

Кибилов Тимур

76, 92 05

ТИМУР КИБИРОВ:

Культура. — 2005. — 10-16 февр. — с. 5

Писать хорошими рифмами — слишком легко

Один из самых популярных и востребованных поэтов современности **Тимур КИБИРОВ** 15 февраля отметит свой 50-летний юбилей. О творчестве Кибирова не устают спорить критики: одни называют его «певцом обывательского сознания», другие — «самым трагическим русским поэтом последних десяти лет». Кибиров — лауреат Пушкинской премии Фонда А. Тенфера, наград журналов «Знамя» и «Арион», антибукиеровской премии «Незнакомка» и премии «Северная Пальмира», стипендии Фонда И. Бродского. В качестве подарка на день рождения — не столько самому Кибирову, сколько его многочисленным поклонникам, — издательство «Время» выпустит объемный том избранных стихотворений поэта.

— Как вы считаете, Тимур Юрьевич, поэзию сегодня в России вообще любят? И кто они, эти люди?

— У меня нет оснований считать, что поэзию в России разлюбили. Я думаю, ее ценит такое же число людей, что и всегда. Другое дело, что еще совсем недавно в нашей стране было очень много людей, которые любили поэзию по, скажем так, вне-литературным причинам. Теперь они переключились на иные формы социальной активности. И это, на мой взгляд, совершенно нормально. Те пресловутые времена, когда любители поэзии собирались на стадионах, остались в прошлом, и думаю, и тогда всем нам было ясно, что настоящих ценителей поэтического слова в толпе было не так уж много.

— А чем, по-вашему, определяется это константное число людей, способных понимать и любить поэзию?

— Думаю, что прежде всего — как ни высокопарно это звучит, — уровнем культуры. Особенно это касается современной поэзии, для восприятия которой (и получения удовольствия от нее) требуется определенный базовый уровень историко-культурных знаний.

— Но о том, что сегодня уровень культуры катастрофически снижается, не сказал, кажется, только ленивый...

— Разговоры об этом велись и будут вестись всегда. Но по-настоящему сегодня тревожит то, что очень многие умные и интеллигентные люди до сих пор не способны разглядеть опасности и соблазны нынешнего времени, а продолжают бой с призраками минувшего. Пресловутая рыночная экономика сказывается на культуре не самым лучшим образом: лидирующие позиции занимает товар, который недорого стоит и легко усваивается. Что с этим делать, не знают ни у нас, ни на Западе, где подобные

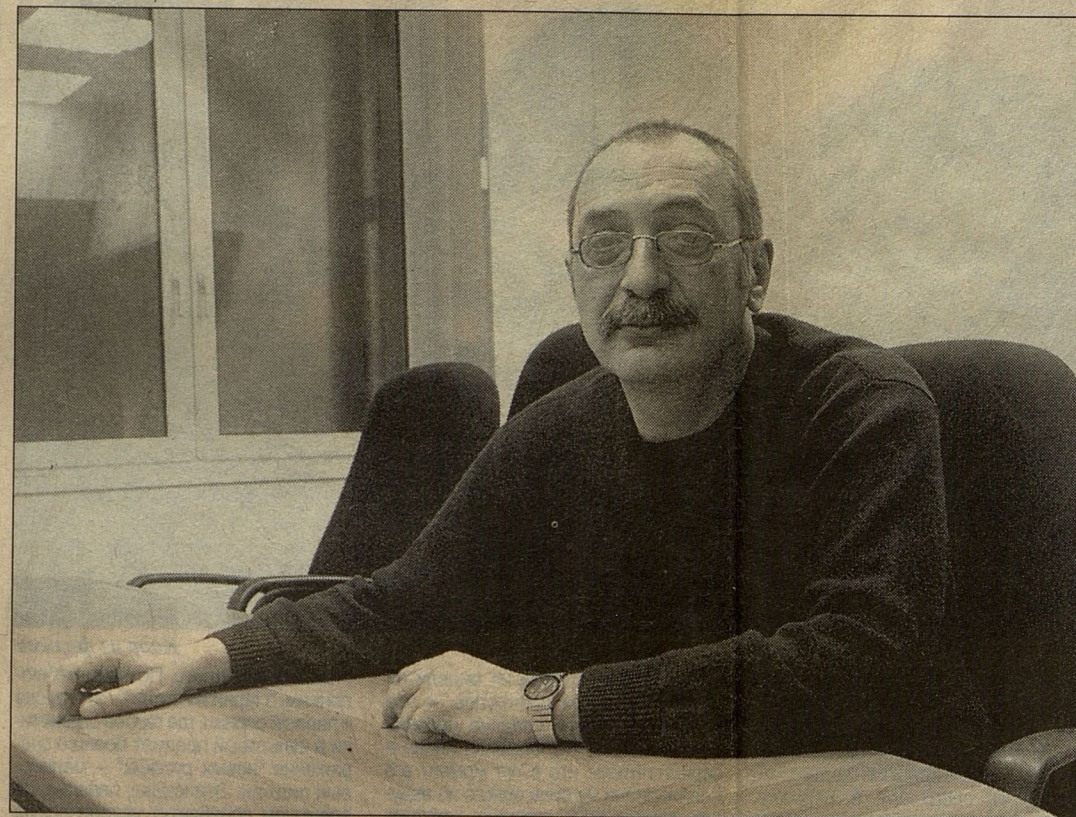
процессы развиваются уже очень давно. Лично меня пугает другое: в России если и пытаются найти какие-то пути решения данной проблемы, то только одним способом — с помощью государственного финансирования и, соответственно, отказа от свободы. И вот это по-настоящему страшно! Если говорить о том, как я отношусь к современному состоянию отечественной культуры, то я отвечаю так: я отношусь с тревогой, временами переходящей в откровенную истерику. Но если говорить о том, как я отношусь к тому, откуда мы вышли, то это был полный мрак, и сейчас ситуация гораздо более благоприятная и в экономическом, и в социальном, и в культурном плане.

— Вам не кажется, что то, откуда вы вышли, сейчас, наоборот, героизируется?

— Да, и это кажется не только мне. Я достаточно пожил при советской власти и могу сказать со всей ответственностью: ничего мерзее человечество не придумало. И то, что отдельные группы лиц на уровне государства пытаются вывернуть нашу историю наизнанку, по-настоящему безнравственно. Конечно, есть вполне объяснимая ностальгия, которая на самом деле является ностальгией по молодости, но все чаще встречаются и отвратительные спекуляции, и даже откровенное вранье. В частности, все чаще я слышу мнения о том, что в брежневские времена имел место небывалый расцвет отечественной культуры. Не хотел бы я еще раз пережить этот «расцвет» — ужас, скуку и сплошное холуйство!

— А литераторы-то могут с этим что-то сделать, или глаголом жечь сердца людей — это сегодня наивно и смешно?

— Ну, конечно, это очень наивно. Но поскольку ничего другого писатели делать не могут, то они должны делать это, и делать хорошо. Возмож-

Т. Кибиров

но, именно в наивности расцветает и растет истинный талант. И еще, конечно, в откровенности. Я всегда старался говорить в своих стихах честно и внятно о том, что меня волновало.

— Ирония — это ваше главное оружие, не так ли?

— Ирония... Думаю, она присуща не столько литературе, сколько современному интеллигентному человеку. И поскольку я пытаюсь отразить живой язык той социальной группы, к которой принадлежу, то ирония неизбежно возникает в моих стихах. С одной стороны, это, конечно, общее место современной культуры, с другой — я стараюсь, чтобы у меня это было дозировано и уместно. Ирония никогда не была для меня самоцелью, она не должна мешать чувствительности и здравому пафосу.

— И цитатность, которая всегда заставляет литературных критиков делать стойку, тоже не самоцель?

— Ну это еще более общее место, чем ирония. Вся современная культура и, в частности, поэзия есть одна большая цитата. Мы заложники

богатейшей культурной истории и традиции. Просто одни осознают это, а другие наивно полагают, что у них душа поет шестистопным ямбом. От цитатности, от игры с предыдущей культурой никто не в силах уйти. Другое дело, что это можно делать грубо, а можно — тонко. Надеюсь, лично я в последние годы делаю это тоньше, чем, скажем, в 1980-е годы. Цитируя и стилизуя, я всегда предполагаю, что мой читатель, как минимум, не менее начитан, чем я сам, все мгновенно улавливает и что мы говорим с ним на одном языке. И когда я, скажем, пишу сонет, — это не простодушное желание вступить в соревнование с Петраркой, Шекспиром и Данте, но знак для читателя, что это нужно воспринимать как игру или смиренное исследование жанра, а также отсыл к руслу определенной традиции. Это рефлексия по поводу классического стиха. И вообще подозреваю, что вся современная поэзия — это именно такая рефлексия.

— А в прозе? Я неслучайно задаю этот вопрос, ведь сейчас вы рабо-

таете в жюри премии Ивана Петровича Белкина, которую, как известно, вручают за лучшую повесть.

— В прозе все сложнее, поскольку она развивается медленнее и гораздо консервативнее и инертнее поэзии. Должен признаться, что в этом году я впервые в таком объеме изучал современную прозу. И скорее у меня отрадные впечатления, чем наоборот. Всего я прочел около 30 повестей, и текстов шесть-семь из них очень славные и достойные. Хотя ничего, кроме жанра и молодого возраста авторов, эти произведения не объединяет. Они чрезвычайно разные, и это немаловажно.

— Критики нередко упрекают вас в том, что у вас встречаются плохие рифмы, несовершенные. Как вы относитесь к подобного рода замечаниям?

— Они кажутся мне чрезвычайно забавными. И одновременно признаком дикости. Это было актуально в начале XIX века, но не сегодня. Я лично не знаю, что такое хорошая рифма в начале XXI века. Рифмы Маяковского были бы чудовищными

в стихах Ахматовой, и наоборот. Господи, это, правда, свидетельство некоей невежественности. Рифмы, которые могут восприниматься как «плохие», для того и придумываются. Они помогают создать ощущение не-деланности, спонтанности. Потому что на самом деле писать хорошими рифмами — это настолько несложно, что совсем неинтересно.

— Тимур Юрьевич, вы прославились в конце 1980-х, в советскую эпоху, в которую, по вашим собственным словам, ни за что не хотели бы вернуться. Как вам дался переход в новое время? И как он отразился на вашем творчестве?

— Я отдаю себе отчет в том, что тогда писал тексты, которые заведомо нравились любому советскому интеллигенту, поскольку выражали его подсознательное. Эта была игра с советской культурой — ироническая и даже издевательская — и она была чрезвычайно востребованна. Своей скромной известностью я, конечно, обязан именно тем стихам, хотя сейчас оцениваю их не очень высоко и думаю, что потом писал вещи гораздо более интересные и достойные. Впрочем, они уже не могли вызвать даже относительно массового восторга, и я отношусь к этому спокойно. Слава богу, что наступила иная историческая эпоха, хотя пути, которые она избрала, не могут не настораживать... И, слава богу, конечно, что я и многие другие представители моего поколения, коллеги по поэтическому и вообще литературному цеху, сумели этот исторический переход пережить, принять и понять. То, что нам было трудно, — нормально. А вот то, что сегодня это уже позади, — по-настоящему хорошо.

— А что вас вдохновляет сегодня как поэта?

— Я не склонен считать, что сам механизм порождения текстов в современной культуре сильно отличается от того, каким он был, скажем, во времена Державина. Поэта — любой эпохи и любой страны — вдохновляют одни и те же вещи: любовь, смерть, жизнь, Бог, Родина. Парадокс русской литературы, пожалуй, только в том, что нигде больше не разрабатывалась так настойчиво и серьезно тема Отечества. И думаю, что и дальше наша страна будет удивлять поэтов и заставлять задуматься.

Беседу вела
Анна МАРТОВИЦКАЯ
Фото Степана РАПЧЕВСКОГО